

Б.Ф.Мартынов

«Амелия» и «Штандарт»: неизбежные параллели

В статье на примере судеб двух — королевской и императорской — яхт рассмотрены некоторые параллели в истории стран, переживших царевубийство, — Португалии и России.

Ключевые слова: король Карлуш I, регид, «цветные» революции, российско-португальские реалии.

Давно прошли те времена, когда королевский сине-белый с короной посередине флаг Португалии можно было видеть во всех частях света — от Японии до Бразилии. Некогда великая Империя Первооткрывателей, над которой никогда не заходило солнце, Португалия к концу XVIII в. погрузилась в летаргический сон, отправив свои так и не построенные корабли в недоступное для постижения органами чувств простых смертных виртуальное пространство. А в реальной жизни охранять границы империи к началу сумасшедшего XX в. остались переоборудованные из рыбацких судов и портовых лайб «канонерские лодки» (дунь — рассыплется!). Они смело (а что делать?) выходили на перехват броненосных эскадр великих держав, уповая на чувство юмора повидавших «еще не те виды» европейских адмиралов*. Парадокс: но португальская империя, чудом проскользнувшая (между струек пороховых газов?) в жестокий новый мир из галантного мира напудренных буклей, как-то «нечаянно» сумела себя сохранить, оставаясь девственно чистой в своем упрямом самовыражении. Пожалуй, только национальный поэт, как никто другой, смог отобразить ее непостижимую сущность:

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (bfmartynoff@gmail.com).

* «...Низкие холмистые берега Африки были совершенно пустынно, без единого растения. Сыпучие пески сливались с далью горизонта. Из глубины бухты вышла португальская канонерская лодка, чтобы заявить протест против нашей стоянки здесь, но мы все-таки в течение 24-х часов грузились углем с немецких пароходов...» (А.С.Новиков-Прибой. «Цусима» — <http://lib.rin.ru/doc/i/107235p40.html>). Интересно, что бы подумал столь трепетно относившийся к международному праву капитан канонерки «Лимпопо» Жоао-Карлуш да Силва Ногейра (награжденный японским орденом за эту свою «заслугу» в 1929 г.), знай он, что в 1943 г. Япония «просто так» захватит у нейтральной Португалии ее колонии Макао и Восточный Тимор?

Мне снилась наша бедная Империя,
Такою, как Господь ее создал:
Загадочной, как целая Вселенная,
Плебейской, как учение Христа¹...

«Встрепануться» страна попыталась в конце XIX в. Казалось, почему бы и нет? Новый король Карлуш I (1889—1908), похоже, вознамерился вернуть Португалии хотя бы часть бывшего величия. Молодой человек, увлекавшийся живописью и науками, чей мозг был открыт для новых идей, в том числе в сфере государственного управления, казалось, лучше всего подходил на роль реформатора. Венценосцы, однако, видят «реформы» иначе, чем простые смертные, а типаж Петра I в те годы уже не соответствовал распространенным представлениям об «интересах народа». Но у царственных особ своя правда, недоступная пониманию признанных «народолюбцев», которая являет себя иногда через столетия. Построй, например, Екатерина II в Царском Селе не новый дворец, а тысячу домов для крепостных, стало бы нам от этого лучше? Вряд ли...

Вот и Карлуш I — «Океанолог» (потом — слишком поздно! — это прозвище заменят на «Мученик») в сложных экономических условиях, сверх новых дворцов и охотничьих домиков «зачем-то» приобретет себе четвертую по счету яхту... Ее спустили на воду в Англии в 1900 г., а в 1901 г. корабль нарекли «Амелия» («Amélia») в честь жены короля Амелии Орлеанской, которая родила ему двух сыновей — Луиша Фелипе (1887 г.) и Мануэла (1889 г.). Судя по многочисленным отзывам, монарх не был примерным семьянином (качество для венценосцев вообще довольно редкое), но, думается, что не только желание приободрить супругу лежало в основе решения представителя младшей ветви Сакс-Кобург-Готского дома. Новый корабль хоть и поражал роскошью внутреннего убранства (которое по частям можно увидеть ныне в Морском музее в Белене, по соседству с великолепным собором Жеронимуш), но назвать «Амелию» яхтой можно было с трудом. По сути дела это был небольшой легкий крейсер 70 м длиной, вооруженный двумя 47-мм и четырьмя 37-мм орудиями и с командой в 125 человек. «Амелия» стала любимой яхтой короля, служа ему не столько для увеселений, сколько для занятий любимой океанологией. Кстати, некоторые исследования португальского монарха в этой области впоследствии были признаны научной общественностью.

Четырем «классическим» крейсерам, приобретенным ранее — «Адамастор» («Adamastor», 1896, Италия), «Сао-Габриэл», «Сао-Пафазл» («São Gabriel», «São Rafael», Франция, 1898), и «Дом Карлуш I» («Dom Carlos I», Англия, 1898), — «Амелия» доводилась «младшей сестрой». А в 1899 г. в Лиссабоне был спущен на воду новый крейсер — «Раинья Дона Амелиа» («Rainha Dona Amélia»). Но поскольку в солоноватые воды Тежу окунулся *первый построенный в самой Португалии* (барочные «науш» «Золотого века» не в счет) настоящий *железный* крейсер с машиной мощностью в 5 тыс. л.с., прикрытый в районе палуб 30-мм броней, вооруженный десятью пушками и двумя торпедными аппаратами, большинство современников, очевидно, не могли не задать себе вопрос: «Лиха беда начало?» По мне-

Яхта «Амелия»

нию специалистов, крейсер мог положить начало новой эпохе военного кораблестроения в Португалии².

Но зачем? Неужели фантомные боли по утерянному морскому могуществу дали о себе знать почти четыре века спустя? И если короля действительно обуревала мания величия, то не лучше ли было бы ему замахнуться на серию из пяти или, скажем, десяти «капитальных» кораблей — броненосцев, и потрясти тем самым своих крестьян, а заодно и «все прогрессивное человечество»?

Нет, португальскому сюзерену в те годы было явно не до «шоу».

«ВТОРАЯ БРАЗИЛИЯ»

Вступив на трон в 1889 г. 36-летним красавцем с лихо закрученными усами, Карлуш Фернанду де Браганса Сабойа Бурбон и Сакс-Кобург Гота тут же столкнулся с колониальным вопросом, который в те годы беспокоил все великие колониальные империи. На их фоне Лиссабон выглядел таким пожилым подростком с юношескими амбициями. За пять лет до этого, в ходе Берлинской конференции 1884 г., на которой предстояло окончательно решить судьбу Африки, Португалия попыталась претендовать на ряд еще не до конца переваренных колонизаторами территорий*, чтобы, как две фасолинки, соединить между собой свои колонии — Анголу и Мозамбик. «Розовая карта», опубликованная Лиссабоном, демонстрировала нам сплошной пояс португальских колоний на юге Африки, между Атлантическим и Индийским океанами. Этой географической мечте дали даже имя — «Вторая Бразилия», что, вероятно, было выражением так и не увядшей тоски по утрате первой.

* Сегодня это часть независимых Зимбабве, Замбии и Малави.

Король Карлуш I Португальский

Претензии старой империи основывались на столь же старом, как и она сама, и увы столь же не отвечавшем новым временам принципе «*Uti possidetis*» («Владейте, чем владеете»). По правде сказать, у Лиссабона были некоторые основания для присоединения этих земель*. Но успешно применявшийся в начале XIX в. «*Uti possidetis*» практически уже не работал в конце века. Прав был тот, за кем была сила. Очевидно понимая это (в лучшем случае догадываясь), королевский двор попытался, было, предложить Германии идею создания некоего «буфера» между ее и британскими владениями. Но то ли Отто фон Бисмарк усомнился в прочности португальского «буфера», то ли сам тайно вынашивал идею объединить этими же территориями «свои» Танганьiku и Юго-Западную

Африку, но на уговоры лузитанской сирены «Железный Канцлер» так и не поддался. При этом непонятно, на что рассчитывали хозяева дворца в Белене, видя, что «Вторая Бразилия» разрывает сплошную цепь британских владений с севера на юг? На память о добром союзничестве с Англией в годы Наполеоновских войн? На то, что португальский портвейн давно и прочно стал атрибутом британского образа жизни? Что на Великобританию приходилось до 80% португальского экспорта? Они, вероятно, забыли об исторической фразе сэра Генри Пальмерстона: «У Британии нет постоянных союзников, а есть постоянные интересы», когда подумали, что та откажется от мечты сквозного проезда от Каира до Кейптауна без пересадки на португальской «станции». Британский премьер лорд Роберт Солсбери, отвергая аргументы Лиссабона, назвал их «археологическими», пытаясь за остроумием скрыть озабоченность Лондона «странным» поведением его союзника, не подававшего до недавних пор признаков самостоятельности.

Да, друзей в политике, действительно, поискать. Эта истина предстала во всем бесстыдстве в 1913 г., когда Британия и Германия приготовились подписать секретное соглашение, чтобы тихо-мирно, «по-братски»: каждой — половина, поделить между собой весь португальский «ултрамар» («заморские территории»). «Братской» дележке помешала только Первая мировая война.

Буры, союзники Португалии на Берлинской конференции, вскоре после нее получили «свое» в виде Англо-бурской войны. Сама же Португалия сравнительно «легко» отделалась британским ультиматумом 1890 г., где Лиссабону предписывалось «немедленно освободить все занятые порту-

* На основе так называемого хронологического преимущества, так как они были впервые исследованы португальцами Жозе де Андради, Эрменжилду Бриту Капеллу и Серпа Пинту, которые основали там несколько опорных пунктов.

гальскими войсками территории в районах Маколло и Маконьяс. В случае невыполнения сего Лондон обещал эвакуировать из португальской столицы британское посольство, используя для этого эскадру, которая «случайно» стояла наготове в испанском порту Виго. В воздухе запахло войной, и Лиссабон предпочел уступить, не получив даже узенького коридора, который связывал бы между собой ее африканские владения. Португальская империя оказалась низведена на уровень третьеразрядного государства, о чем ярко свидетельствовали итоги II Гаагской конференции мира 1907 г., где она была записана «заведомо слабым государством» в компании с южноамериканскими республиками³.

«Розовая карта»

Отношения с Лондоном, впрочем, довольно скоро вернулись в наезженную колею. Неплохой дипломат, Карлуш I «закрыв» проблему, отправившись на похороны королевы Виктории, а потом в 1903 г. организовав у себя в загородном дворце в Синтре «небывало роскошный» прием короля Эдуарда VII. Проблема исчезла, но «послевкусие» осталось...

Унижение Португалии было на руку отечественным республиканцам, которые воспользовались им для удара по монархии. Либералы ни тогда, ни сейчас не упускали возможности обратить беды своей страны на потребу собственным интересам. Перед лицом внешней угрозы они не нашли ничего лучшего, как ударить в спину правительству и королю, несмотря на то, что тот унаследовал «Розовую карту» от своих венценосных предшественников. «Его нельзя казнить просто так», — с садистским упоением писала в те дни республиканская пресса. «Португалия — наш древний Герой, не может ни вонзить в него свою благородную шпагу, ни разрядить ему в грудь свою честную «эшпингарду»*. Наилучший выход — вырыть яму посреди зоопарка, бросить туда сноп соломы, а вслед за ним — короля. И пусть он «отдыхает» там до скончания своих дней⁴. Не правда ли, неплохая иллюстрация вздохов о «полном отсутствии свободы прессы»: это вот так, «несвободно» — о главе государства, законном монархе?!

* Винтовку (порт.).

«Прогнивший строй», «вековая отсталость», «последняя страна в строю европейских наций», «национальное предательство» — как знакомо это нам по русской предреволюционной печати! Под «свободолюбивыми» и лжепатриотическими знаменами местные либералы и большевики (партия «карбонариев») что есть мочи обличали «предательство в верхах», призывали «скорее» объявить войну Англии, «срочно» начать строительство броненосных эскадр и т.д., скрывая за этим единственную цель — опорочить короля и свергнуть монархию. Неизбежное поражение в войне, будь она все же развязана, стало бы неоценимым подарком для причислявших себя к «передовой» части португальского общества. Поддерживая их, Лондон прибег к информационной войне, реанимировав «черную легенду», — подборку злонамеренных сентенций, которые начиная с XVI в. обвиняли католический мир в лице Испании и Португалии в изощренной жестокости и садизме по отношению к протестантам и коренным обитателям Америки, а его монархов — в хронической тупости, лени, разврате и безрассудстве. Скоро и российская либеральная «тусовка», не задумываясь о последствиях, усядется писать письмо микадо с пожеланием тому победы в русско-японской войне, в чем также получит безоговорочную поддержку «Коварного Альбиона».

А что же Карлуш I? «Прожигатель жизни», «расточитель» и «тиран», коим стали изображать его либеральные масс-медиа и отдельные «незаинтересованные лица», он, похоже, не реагировал на эту шумиху, а просто исполнял свои обязанности.

КРЕЙСЕРСКАЯ ВОЙНА

«Крейсерские операции (крейсерство) — самостоятельные действия боевого корабля (группы кораблей) на морских и океанских коммуникациях с целью захвата (уничтожения) торговых судов противника, нарушения (затруднения) морских перевозок, отвлечения части сил его флота на борьбу с этими кораблями. Наибольшее распространение получили в Первую мировую войну и в первом периоде Второй мировой войны. Для проведения крейсерских операций в ряде стран использовались специальные корабли-крейсера, имевшие большую автономность, дальность плавания и скорость»⁵.

Сухую информацию из «Военного словаря» можно дополнить разве только тем, что крейсерские операции ведут отсчет от романтической эпохи флибустьеров и каперов. Самым знаменитым из них был сэр Френсис Дрейк (XVI в.), а возрождение каперства ближе к Новому времени было связано с успехами крейсера южан «Алабама», который наводил страх на торговые суда и порты северян в годы гражданской войны в США. Но главное в том, что крейсерская война была в ту пору, пожалуй, *единственным средством, используя которое можно было рассчитывать на успех в столкновении на море с превосходящим в силах противником*. К этому средству в случае возможного столкновения с настырной и вездесущей Англией в конце XIX в. решили, по-видимому, прибегнуть два европейских государства — *Португалия и Россия*.

Теперь перенесемся с одного конца Европы в другой — туда, где ее восточные равнины переходят в Азию. К концу XIX в. военно-морской флот России считался третьим в мире по силе. Но ни громкие исторические победы, ни ко-

личество броненосцев и кораблей других классов не могли компенсировать ей катастрофической нехватки незамерзающих портов. Кроме того, собрать в «кулак» свои разбросанные по морям-океанам флоты и флотилии Российская Империя, в отличие от других, попросту не могла: мешали бесконечно убегавшие вдаль горизонты, неподконтрольные проливы и, конечно, политика.

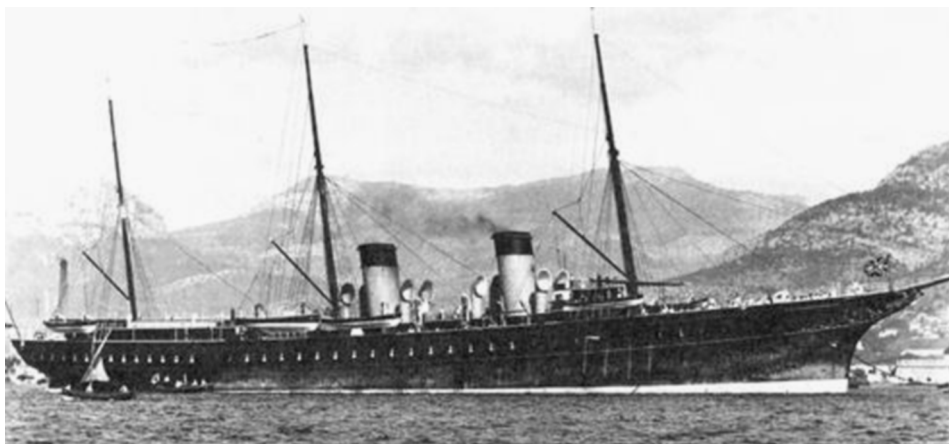
Время, прошедшее после Крымской войны, было отмечено нарастанием противоречий между Россией и Англией на Кавказе, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Вряд ли малоизвестный британский капитан Артур Коннели, а потом и сам сэр Редьярд Киплинг могли предположить, что монстр, окрещенный ими «Большой Игрой»⁶, проявит уникальные способности к регенерации и, меняя имена, пароли и явки («холодная война», «разрядка», «перезагрузка» и пр.) доживет до XXI в.

В военно-морской стратегии России, где предполагалось возможное столкновение с «Владычицей морей», не предусматривалось «генерального сражения» с собранным в кулак огромным британским флотом. В 1881 г. при разработке 20-летней судостроительной программы было указано, что «почти единственным и весьма сильным средством для нанесения существенного вреда торговым интересам неприятеля, обладающего более или менее значительным коммерческим флотом, является крейсерская война»⁷. С тех пор Петербург начал ускоренное строительство океанских (броненосных) и легких крейсеров, собираясь в случае чего нанести удар по самому сильному и в то же время наиболее уязвимому месту «торговой цивилизации» англосаксов — морской торговле.

Заимствовал ли португальский монарх русское «ноу-хау», желая отомстить «Коварному Альбиону», либо принял решение независимо — это не важно. Гораздо важнее то, что условия для ведения успешной крейсерской войны у Португалии были, пожалуй, благоприятнее, чем у кого-либо. Закрыв выход в Атлантику со стороны Средиземноморья, оборудовав передовые базы на Мадейре, Азорских островах и островах Зеленого мыса, на западном и восточном побережьях Африки, она могла бы легко блокировать направление на Британские острова практически отовсюду. Для этого хватило бы даже небольшого количества рейдеров. Достаточно вспомнить, какой ущерб британской торговле нанесла эпопея только одного (!) германского крейсера «Эмден»*! История Первой и Второй мировых войн, когда на роль рейдеров стали все больше отряжать подводные лодки, в принципе оправдала идею морской блокады. В ходе последней из них судьба почти отрезанной от источников снабжения Англии, по словам Уинстона Черчилля, «повисла на волоске»**.

* «Эмден» (*SMS Emden*) — немецкий бронепалубный крейсер времен Первой мировой войны. Получил известность благодаря успешным рейдерским действиям против торгового судоходства и военных кораблей союзников в Индийском океане. С 1 августа по 9 ноября 1914 г. захватил 23 торговых судна, потопил русский крейсер и французский эсминец. — *Прим. ред.*

** Стратегия экономического удушения Англии, которая ввозила свыше 50% всего необходимого сырья, была избрана Гитлером с «дальним прицелом». Ее последствия наиболее ярко проявились уже после поражения Германии. «Зима 1946—1947 годов была худшей из всех. Температуры упали до рекордных значений, и правительство было вынуждено сократить наполовину снабжение страны углем. Электричество включалось лишь на несколько часов. Безработица выросла до 6 миллионов. ... Было введено rationирование хлеба». — J.I s a k s, T.D o w n i n g. Cold War. London, 1998, p.228.

Таким был «Штандарт»

В попытке компенсировать относительную слабость своих флотов по сравнению с британским Россия и Португалия попутно успели *доразвить* мировую историю кораблей-трансформеров, присовокупив к ним яхты «властителей мира сего». История русских императорских «трансформеров» интересна и поучительна. И примерно столь же драматична, как и история путешествовавших на них венценосцев.

Предыдущее поколение «плавающих дворцов» — колесных пароходов, размеренно колотивших своими плицами по водам тихих балтийских заливов и шхер, не заставляло усомниться в их чисто «яхтенном» предназначении. Но уже 1884 г. начинается проектирование первой отечественной яхты-крейсера, которая «имея артиллерию, соответствующую крейсерскому рангу», в мирное время должна была «отвечать всем требованиям службы современной императорской яхты»⁸. Это была «Полярная Звезда», спущенная на воду в Санкт-Петербурге 1888 г.

В развитие проекта четыре года спустя царское правительство сделало датской фирме «Burmeister og Wain» (B&W) заказ на новую яхту — «Штандарт», уже безо всяких обиняков предполагавший постройку «вспомогательного крейсера». Это был крупный двухвинтовой, двухтрубный стальной корабль с командой свыше 300 человек. На палубе было установлено восемь 47-мм пушек при возможности установления дополнительного артиллерийско-торпедного вооружения. «Корпус «Штандарта» с острым клиперским штевнем, украшенным золоченой фигурой двуглавого орла, поставил его в ряд красивейших яхт мира»⁹.

Очень скоро «Штандарт» стал любимой яхтой императорской семьи, особенно наследника-цесаревича, для которого он стал как бы вторым домом. За больным ребенком постоянно ухаживал матрос со «Штандарта» Андрей Еремеевич Деревенько. Почти ежегодно Николай II с семьей отправлялся на своей яхте-крейсере в дальние или короткие плавания. В течение шести лет — с 1909 по 1914 г. — «Штандарт» регулярно уходил из Кронштадта в Севастополь через Средиземное море. Приезжавших туда на царском поезде императора с семьей он доставлял в Ливадийский дворец в

Ялте. Последнее такое плавание яхта совершила в 1914 г. Начавшаяся Первая мировая война застала ее в Петрограде.

Мальчик, тосковавший в хмуром Ипатьевском доме по своему «Штандарту» и удивлявшийся, почему похожий на папу «*Uncle George*»* так долго не забирает их оттуда с мамой, папой и сестрами, конечно же еще не разбирался в хитросплетениях логики войн и революций. Поэтому и не проводил никаких параллелей между убийством, совершенным за десять лет до этого в далеком Лиссабоне, и недавними событиями в России. Не мог он себе представить и того, чем закончится для них это сидение в четырех стенах вдали от так полюбившегося ему моря.

РЕГИЦИД

«Мода» на регицид (цареубийство) пришла из Англии (Мария Стюарт, Карл I). В XIX—XX вв. она приобрела почти культовый характер. Но независимо от обстоятельств, связанных с конкретным цареубийственными актами в той или иной стране, все они имели одно общее, *так или иначе способствуя раскачиванию и крушению установившегося мирового порядка и, как правило, приводя к конфликтам и войнам (включая мировые)*. Наиболее известные примеры — это казнь Людовика XVI (Наполеоновские войны), убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и расстрел в Екатеринбурге царской семьи. XX столетие вообще стало «урожайным» на эти последствия, если считать, что убийство в Марселе в 1934 г. югославского короля Александра I и министра иностранных дел Франции Жана-Луи Барту — двух наиболее активных сторонников создания антигитлеровской коалиции — расчистило путь ко Второй мировой войне.

Мода на регицид распространилась даже на далекие от европейских политических бурь страны Латинской Америки, где она также повлекла за собой разрушительные последствия. Свержение, а затем убийство в 1824 г. «Конституционного императора Мексики» Агустина I (Агустина де Итурбиде) стало началом долгого этапа внутривластной нестабильности в этой стране, содействуя возвышению политического авантюриста и национального предателя — генерала Антонио де Санта-Аны, которому «посчастливилось» побывать на посту президента Мексики 11 (!) раз.

Находившаяся в «раздрае» страна, которой было «некогда» заниматься обустройством своих северных территорий и развитием армии, стала легкой добычей для США. В американо-мексиканской войне 1846—1847 гг. «великолепный предатель» Санта-Ана сдавал вошедшим во вкус американцам одно сражение за другим, в результате чего Мексика потеряла почти половину своей территории. Но если бы дело было только в этом! «Головокружение от успеха», постигшее тогда Вашингтон, сделало теорию «предназначения судьбы» («*manifest destiny*») магистральной линией его политики в Западном полушарии на долгие годы и утвердило американцев в их представлении о собственной «исключительности», которое столь ощутимо в наши дни. Слабых — быют. Вслед за поражением от США Мек-

* Британский король Георг V (1910—1936).

**Конституционный император Мексики
Агустин I**

сика испытала на себе все «прелести» англо-франко-испанской интервенции (1861—1867). «Черная полоса», казалось, должна была бы закончиться восстановлением монархии в 1863 г. Но как ни старался либерально-настроенный и открытый для перемен император Максимилиан I Габсбург (1864—1867) соответствовать требованиям республиканцев, он оставался *persona non grata* для стоявших за их спинами Соединенных Штатов. Те, естественно, опасались усиления своей соседки под управлением европейски образованного и умного монарха, который к тому же был профессиональным военным моряком.

Расстрел императора в г. Керетаро в 1867 г. был «с пониманием» встречен «широкой мексиканской общественностью». Но от этого ей лучше не стало. Вместо либеральной конституционной монархии мексиканцы получили диктатуру генерала

Порфирио Диаса, длившуюся без малого 35 лет, а затем — революцию и гражданскую войну 1910—1917 гг., а американцы — полную свободу действий в Западном полушарии, которая вскоре даст им выход в «большую мировую политику» (с неоднозначными для нее последствиями).

События, произошедшие в португальской столице 1 февраля 1908 г., на этом фоне выглядели, казалось бы, не столь драматично. Но и тут не обошлось без долгосрочных последствий. В тот роковой для нее день королевская семья возвращалась из поместья Вила Висоза в Лиссабон. Уже ближе к центру города, на площади Террейра ду Пасу, к запряженной двумя лошадьми открытой коляске*, двигавшейся без охраны, из толпы неожиданно выскочили два человека и открыли огонь из винтовки и револьвера. Несчастная дона Амелия чисто по-женски пыталась отмахиваться от града пуль букетом, но это средство не сработало. Карлуш I и наследник престола принц Луиш Фелипе были убиты, а принц Мануэл ранен.

Кто были эти нападавшие: «карбонарии», радикал-либералы, английские агенты? В истории остались лишь их имена — Алфреду Кошта и Мануэл Буиса. Оба погибли на месте (как и планировалось?). Интересно, что король предвидел свою судьбу, но ничего не собирался предпринимать. Вот что писал он своему другу и адъютанту подполковнику Хосе Лобу де Васконселосу незадолго до этих событий: «Ты считаешь, что я игнорирую опасность? В том состоянии ажитации, в котором ныне находится общест-

* Сейчас этот совсем не гламурный экипаж со следами пуль выставлен в Музее карет в Лиссабоне.

Регид 1 февраля 1908 г.

во, меня могут убить в любое время. Но, что ты хочешь, чтобы я сделал? Если я перестану выходить и замурую себя в четырех стенах, то это спровоцирует еще большие волнения, а я стану политическим банкротом. Что скажут за рубежом, если увидят, что я перестал появляться на публике? Это будет означать потерю доверия. Нет, я буду продолжать делать то, что делаю. Я буду исполнять свой долг. Пусть свой долг исполняют и другие»¹⁰.

Но дело было, очевидно, не только в «ажитации». Во всяком случае внутренние проблемы «не потрафившего» кому-то режима, как правило, подхватываются и искусственно приумножаются внешними силами. Осмелимся предположить, что в случае с Португалией, как и потом с Россией, имело место явление, которое мы бы сегодня назвали «цветной революцией». Уже тогда все ее главные элементы — вмешательство во внутренние дела, информационная агрессия и вербовка «пятой колонны» — были налицо. За лиссабонским регидом наверняка скрывались спецслужбы «Коварного Альбиона», причем, убийц, скорее всего, использовали «втемную». Но зачем нужно было убивать короля и наследника *после того*, как отношения двух стран вроде бы наладились?

Гордыня, согласно христианскому учению, — один из величайших грехов рода человеческого. Она чаще подводила, чем выручала Уайтхолл в его попытках сыграть на опережение во внешней политике, особенно накануне таких глобальных катаклизмов, как Первая и Вторая мировые войны. Не особо преувеличивая, скажем, что чрезмерная гордыня британцев как раз и стала одной из причин возникновения этих войн. Но убежденность англосаксов в своей исключительности, в том, что это именно они «держат Бога за бороду», не позволяла им до сих пор взглянуть на себя непредвзято.

Геополитическое и военное значение Португалии и ее колоний в раскладе сил накануне большой войны, приближения которой в 1908 г. не чувствовал только ленивый, вряд ли можно было переоценить. Сюда же добавлялись проблема получения доступа к стратегическому сырью, важность оборудования новых плацдармов в Африке для захвата германских колоний и пр. То есть, Португалия «кровь из носу» должна была стать союзницей Британии*. Но мог ли Лондон стопроцентно рассчитывать на ее короля, который однажды выказал строптивость и, вынужденный отступить, наверняка затаил обиду? Не переметнется ли он к немцам? Видеть, как крейсера под сине-белыми флагами перехватывают суда с грузами, которые идут в родные порты, Джон Буль, скорее всего, не стремился. Послушные республиканцы-либералы — вот кто был реально востребован им у кормила власти в Португалии накануне мирового конфликта. Те полностью оправдали надежды хозяев, когда вовлекли свою страну в мировой конфликт на стороне Антанты. «Вопрос был решен в 1916 г. После начала войны около 70 германских торговых судов укрылись от преследования английской эскадры в устье Тежу. Но Англия во что бы то ни стало хотела заполучить эти суда и *попросила нас их захватить, а потом передать в ее распоряжение*. Так мы и сделали, и в результате Германия объявила нам войну... Она имела тяжелые последствия». Лондон, немного смущенный такой мгновенной услужливостью своих португальских «коллег», потом попытался уговорить их не очень распространяться о произошедшем¹¹. По-видимому, даже с его точки зрения это было чуть-чуть «слишком».

Вот это да! «Герои»-республиканцы, еще вчера обличавшие короля в «измене» и «предательстве» «интересов народа», сегодня сами быстренько предали их, не опасаясь гнева с его стороны. Впрочем, ничего удивительного.

ЕСЛИ НЕ ВЫСТРЕЛИЛО «РУЖЬЕ»...

Но вернемся на время к нашим «трансформерам». После того, как 5 октября 1910 г. в Лиссабоне была провозглашена республика, «Амелия» (мигом трансформировавшись из яхты, крейсера и гидрографического судна в *спасательное*) переправила последнего португальского короля Мануэла II (1908—1910) со всеми слугами, чадами и домочадцами за рубеж. Увы! Для «Штандарта», эта *опция* осталась недоступной. Никто, например, не увидел его высаживающим на спасительный английский берег своих бывших августейших хозяев. «*Uncle George*» и Правительство Его Величества не дали пристанища свергнутому императору и его семье. Интересы Британии, которые, понятно, не предполагали восстановления «Единой и неделимой» под знаменем Романовых, оказались выше соображений гуманности.

«Если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем оно обязано выстрелить!» — эта фраза, похоже, применима и в отношении истории, которая тоже являет собой своего рода «пьесу». «Но если ружье все-таки *не выстрелит?*» — спросим мы. — «Тогда, что же, всей пьесе пропасть?».

* Вопрос о получении англосаксами базы на Азорских островах особенно остро встал в годы Второй мировой войны, когда салазаровской Португалии все-таки удалось остаться нейтральной. Не решившись захватить острова самостоятельно, Вашингтон предложил сделать это Бразилии, учитывая, по-видимому, «родственные чувства» народов двух стран. Однако правительство Жетулиу Варгаса благоразумно отказалось от этой затеи.

Таким после переоборудования стал «Штандарт» (минный заградитель «Марти»)

Заклучив в 1902 г. беспрецедентный союзнический договор с Японией, Британия подставила России нового, малоизвестного ей противника. «Не-е, не тот враг!» — вальяжно изрекли носители пышных бакенбард, собравшиеся под Адмиралтейским шпилем, и решили... воевать с Японией «в лоб», эскадра на эскадру. Все закончилась плохо: Цусимой, первой русской революцией, мировой войной и 1917-м годом. Позорное поражение от японцев стало первым звеном в цепи будущих великих несчастий России.

Но его *могло и не быть!* «Япония, — отмечал историк Александр Борисович Широкоград, — как известно, остров, и Россия могла победить одной крейсерской войной»¹². С историком, наверное, трудно не согласиться, ведь самые успешные действия России в той войне — это ограниченные операции ее вспомогательных крейсеров (всего лишь нескольких вооруженных коммерческих пароходов!) на морских коммуникациях Японии, которая к концу войны оказалась на грани банкротства. А если бы в рейдерство отправить *все* русские — настоящие! — крейсера, которые безо всякой пользы для дела гибли в гаванях (как «Варяг») под огнем вражеских броненосцев, либо просто уклонялись от эскадренного боя, как в Цусиме? А если бы еще послать к ним на помощь довооруженные быстроходные царские яхты? Почему же «ружье» крейсерской войны, так долго и скрупулезно готовившееся Россией, провисело на стене, ни разу не выстрелив?

Допустим рискованную мысль, что дело тут не столько в «бездарности» высшего командования, приверженного шаблону, и не в эгоизме царской семьи, которая, как полагает А.Б.Широкоград, не пожелала хотя бы на время расстаться с комфортабельными яхтами, сколько в некоторых особенностях аристократического восприятия мира.

«Иду на вы!»: голубая кровь, как правило, выбирает прямой путь, предпочитая его «стратегии непрямых действий»*. Назовем это «правилом от-

* За подтверждением можно обратиться к книге британского автора Джона Кигана (J.Keegan. A History of Warfare, London, 1993), в которой он связал *ретрофеномены такого рода* с обычаями древних греков сражаться «лицом к лицу», средневековыми рыцарскими турнирами, этикой самураев и пр. Обоснование «стратегии непрямых действий» принадлежит военному историку Бэзилу Генри Лиддел-Гарту. Особое возмущение правительственных кругов и патриотической общественности России вызвал факт нападения Японии без формального объявления войны — «подлый» и «коварный». Согласимся, что сегодня, когда аристократы сошли на нет, и победила «стратегия непрямых действий», такое объявление выглядело бы полным идиотизмом.

Декоративная тарелка «В честь Короля Португалии» с изображением яхты «Амелия» (ограниченный выпуск 1990 г.)

крытого забрала». Исключения из него, по-видимому, возможны, но только в случае многократного превосходства в силах потенциального противника. Вот и получается, что «лобовая» тактика России в русско-японской войне и открытая пулям злодеев хлипкая коляска португальского монарха — вещи хоть и разные, но в чем-то типичные. А что это: безрассудство или благородство — судить трудно.

Итак, «ружье» не выстрелило. Россия проиг-

рала войну с Японией и теперь, ослабленная, оказалась вынуждена еще теснее привязаться к европейским делам, к союзу с Францией и пойти на примирение с давним врагом — Англией, начисто забыв, что такое «друзья» и что такое «интересы» в английской транскрипции. В итоге в Европе началась уже совсем другая пьеса. В ней нашим «героям-трансформерам», правда, уже под новыми именами, довелось играть разные роли.

«Амелию» ретивые республиканцы переименовали в «Cinco de Outubro» («Пятое октября» — день свержения монархии) и сделали посыльным кораблем в составе ВМС Португалии. Корабль участвовал в Первой мировой войне, хотя и не сделал ни единого выстрела*. В 1924 г. он вернулся к выполнению привычных для себя гидрографических функций, а в 1938 г., отслужив свое, был отправлен на слом. Сегодня, на волне возрождения интереса к «Королю-Мученику», в Португалии растет интерес и ко всему, что было связано с ним, в том числе и к его яхте, которая упоминается только под ее «родным» именем.

«Штандарту» же «повезло». Он попал в самую гущу событий. После Октябрьского переворота на нем размещался «Центробалт» — главный революционный штаб Балтийского флота. А весной 1918 г. он участвовал в знаменитом Ледяном переходе кораблей Балтфлота из Гельсингфорса в Кронштадт под руководством капитана первого ранга Алексея Михайловича Щастного, который «в награду» за этот подвиг был вскоре расстрелян новой властью.

В 1936 г. бывшая императорская яхта все-таки превратилась в военный корабль — минный заградитель. Правда, для этого ему пришлось пройти переоснащение и переменить имя на «Марти» — в честь весьма сомнительного деятеля мирового коммунистического движения, француза Андре

* Участие ВМФ Португалии в Первой мировой войне ограничилось транспортными, патрульными и конвойными функциями. Единственной потерей стал тральщик «NRP Augusto de Castilho», погибший после упорного боя с немецкой подлодкой в октябре 1918 г. Подробнее см.: J. Correia do Inso. A Marinha Portuguesa na Grande Guerra. Lisboa, 2006, p. 33—34.

Марти*. Но даже под этим чужим для русского уха именем, бывший «Штандарт» воевал героически. 25 июня 1941 г., уже на третий день после начала Великой отечественной войны, он потопил немецкую подлодку. В ноябре «Марти» принимал участие в эвакуации защитников полуострова Ханко. Только в 1941 г. корабль совершил 39 боевых походов и участвовал в постановке 18 минных заграждений. В апреле 1942 г. он одним из первых кораблей Балтфлота был удостоен звания «гвардейский». Это, однако, не мешало кому-то в 1961 г. превратить славный овеянный ветрами истории корабль в мишень для ракетных стрельб, а в середине десятилетия вместо того, чтобы отремонтировать и поставить на вечную стоянку, разобрать на металл**. «По конструкции корпуса и механизмов, по мореходным качествам это был выдающийся образец европейского и отечественного судостроения»¹³. *Sic transit Gloria mundi!*

Памятник королю Карлу I в г. Кашкайш

Незадолго до гибели Карлуш I в письме к своему давнему другу, князю Монако Альберту I, который разделял его увлечение океанологией, писал: «Полагая, что дела тут (в Португалии) идут не очень-то хорошо, да это не является исключением и для всей Европы, я решил произвести революцию в деле государственного управления — революцию «сверху», в результате которого будет сформировано правительство, основанное на принципах честности и политической свободы и преисполненное идеей умеренности, для того, чтобы не допустить революции «снизу», способной все разрушить»¹⁴.

И здесь по поводу португальского режиссида опять со всей силой встает один и тот же сакраментальный вопрос: *зачем?* Только теперь он относится уже не к козням «Коварного Альбиона». Что скрывалось за ними — предельно ясно. Ясны и последствия. В тот день ангlosаксам впервые удалось осуществить *замену неудобного для них режима на удобный и руками португальцев осуществить «революцию» в пользу Англии.*

* В 1935—1936 гг. А.Марти был Секретарем Коминтерна, возглавлял движение Интербригад в Испании, где за свои «подвиги» получил прозвище «Мясник Альбасете». В 1952 г. был исключен из рядов Французской коммунистической партии.

** «Штандарт» — «Марти» незадолго до своей гибели от управляемых ракет и автогена снялся в роли вспомогательного крейсера «Елизавета» в старом советском фильме «Мичман Панин». Полное отсутствие всякой исторической достоверности в этом фильме отчасти компенсировалось видами бывшего «Штандарта» на крутой балтийской волне и великолепной игрой молодого Вячеслава Васильевича Тихонова (Панин).

Но кроме внешнего «зачем» есть еще более весомое внутреннее. Похоже, что в феврале 1908 г. в Португалии, как и в феврале 1917 г. в России, *был искусственно прерван исторический эволюционный процесс, конечной целью которого был переход к конституционной монархии*. Ну, понятно, хотели, вроде бы, как лучше, а что получилось?

Случайно ли «рукотворный» республиканизм как в той, так и в другой стране, не будучи основан «на принципах честности и политической свободы» и напрочь лишенный всякой «умеренности», обрек их на десятилетия политической нестабильности и господства авторитарных/тоталитарных режимов? Случайно ли *случайные* (не помазанные Богом, но и не избранные народом) люди во главе этих режимов набрали себе таких «прав», о которых не могли и мечтать короли и императоры? Сегодня мы все чаще задаем себе эти трудные вопросы. Свидетельством этого является постепенный отход от былых антимонархических фобий и догм.

В 2006 г. в веселом, людном городке Кашкайш неподалеку от Лиссабона был воздвигнут памятник Карлушу I. Король в капитанской фуражке с биноклем в руке стоит на мостике любимой «Амелии» и смотрит на живописную бухту, откуда он часто выходил в открытое море. Выступая на открытии памятника, президент Португалии Анибал Каваку Силва сказал, что король «был больше, чем культурным человеком, ценителем искусств и покровителем науки»¹⁵. Незадолго до этого там же открылся и Океанографический музей имени Карлуша I, где в изобилии представлены добытые им в свое время редкие образцы морской флоры и фауны и где рассказывается о вкладе короля в развитие мировой океанографической науки.

Памятники венценосцам постепенно начинают воздвигать и в России. На церемонии их открытия нет-нет да и услышишь слова сожаления о навсегда утерянных нами альтернативных путях развития.

Почему сегодня в таких далеких друг от друга и таких разных странах, как Россия и Португалия, проклинаемые и ненавидимые в свое время монархи начинают представлять совсем в ином свете? Возможно потому, что, несмотря на все свои ошибки и личные недостатки, они старались придерживаться принципа «открытого забрала», который так презирают представители «торговой цивилизации», но которого нам, похоже, так не хватает сегодня?

Может быть, вслед за национальным поэтом Ф.Пессоа и Карлуш I Португальский мог смело сказать о себе такое:

Я не был не святым и не героем,
Но Бог не поскупился на регалию:
Не сердцем португальца удостоил,
Но вместо сердца вставил Португалию.

Кто знает? Ведь у царственных особ своя правда, которая иногда являет себя через столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стихотворение Фернандо Пессоа дается в переводе Б.Ф.Мартынова.

² Os navios da Primeira República. Catálogo. Lisboa, 2012, p.16.

- ³ Подробнее см.: Б.Ф.Мартынов. Исторические очерки. М., 2013, с.35—56.
- ⁴ Цит. по: J. Н е р м а н о S a r a i v a. História de Portugal. Lisboa, 1993, p. 465.
- ⁵ Военно-энциклопедический словарь, М., 2002.
- ⁶ Интересующиеся могут обратиться к книге британского историка Питера Хопкирка: P. Н o p k i r k. The Great Game. On Secret Service in High Asia. London, 2006.
- ⁷ Центральный Государственный архив Военно-морского флота России (ЦГАВМФ), ф. 417, оп.1, д. 1319, л.14-15.
- ⁸ Цит. по: Русские императорские яхты. Конец XVIII — начало XX века. СПб, 1997, с. 22.
- ⁹ Там же, с. 25.
- ¹⁰ http://pt.wikipedia.org/wiki/Carlos_I_de_Portugal
- ¹¹ J. Н е р м а н о S a r a i v a. Op.cit., p. 501.
- ¹² А.Б.Ш и р о к о р а д. Россия — Англия: неизвестная война 1857—1907. М., 2003, с. 453.
- ¹³ Русские императорские яхты, с. 30.
- ¹⁴ Цит. по: R.R a m o s. D. Carlos. Lisboa, 2007, p.306—307.
- ¹⁵ Маяк Португалии. 10.02.2008. — <http://www.maiak.org>